

Андреас Умланд

Истоки и риски «белой революции» в РФ: почему Путин уже потерпел, а российские демократы также могут потерпеть неудачу*

Пока еще неясно, каким будет исход текущего электорального восстания в Москве. Но очевидно, что российская политика существенно изменится в 2012 году. Правда, вопрос о том, станет ли Россия более демократичной и свободной в результате нарастающих протестов, остается открытым. Тем не менее, уже сейчас можно говорить о, как минимум, попытке проведения «цветной революции» в РФ. Очевидно, что возможная российская «белая революция» не будет революцией в полном смысле этого слова – как, впрочем, и другие «цветные революции» не были полноценными революционными переворотами. Но то, что происходит в данный момент в России, уже напоминает типичный шаблон – массовые протесты после сфальсифицированных выборов, которые частично делегитимизировали существующее руководство страны – т.е. череду событий, похожих на те, что произошли в Сербии в 2000, в Грузии в 2003, в Украине в 2004 и в Кыргызстане в 2005 годах (а, возможно, и на недавние развития в арабском мире). Почему же на глазах распадается путинская система, еще год назад выглядевшая такой стабильной?

«Вертикаль власти» и коррупция

Путин совершил, как теперь выяснилось, одну крупную стратегическую, а также одну ключевую тактическую ошибку в построении своей управленческой системы, которая могла бы просуществовать и долее. Стратегически, главный путинский просчет заключался, наверное, в том, что его «вертикаль власти» не выполняла одну из своих основных целей: решительно прекратить или, по крайней мере, существенно снизить коррупцию в постсоветской России. Вместо того, чтобы создать современный авторитаризм наподобие послевоенного южнокорейского, тайваньского или сингапурского, путинское правление скорее усугубило, чем уничтожило определенные патологии позднесоветского и постсоветского периодов. В первую очередь, оно не уменьшило взяточничество во всех отраслях об-

* Статья была опубликована до президентских выборов в России в киевской газете *День* (2011. № 240).

щественной жизни России. Коррупция стала, по видимости, проблемой даже в органах госбезопасности, выросших из советского КГБ, откуда и пришел Путин.

Это и некоторые другие упущения в модернизации России подорвали смысловой фундамент путинского неформального контракта с российским обществом: поменять политическую свободу на эффективное госуправление. Вместо этого «национальный лидер» сократил российские гражданские и политические права, не произведя взамен ни обещанное искоренение смычки между государством и «олигархами», ни ожидаемое подавление произвола бюрократии. Не случайно один из лидеров текущего протестного движения, Алексей Навальный, изначально сделал себе имя, ведя блоги о скандальных случаях коррупции среди российской элиты.

«Оранжевая революция» и конспирология

Основной же тактический промах Путина состоял в том, что он не понял или не хотел понять природу и причины постсоветских «цветных революций», в первую очередь украинской «оранжевой», и, таким образом, извлек из них неправильные уроки. Путина и Ко. должно было насторожить, насколько быстро и легко растущий авторитаризм Кучмы-Януковича был свергнут в 2004 году жителями «Малороссии», как часто называют Украину в «Великороссии». Публичное толкование Путиным и Ко. «оранжевой революции» как следствие коварных деяний западных спецслужб и фондов было, видимо, связано и с тем, что сам Путин и его «политтехнологи» вложили немало средств и усилий в несостоявшуюся победу Януковича на украинских президентских выборах 2004 г.

Конспирологическая интерпретация истоков украинской массовой акции гражданского неповиновения послужила удобным объяснением путинской неудачи в попытке предотвращения прихода к власти прозападного крыла киевской элиты и новой демократизации Украины. Несоветское российское руководство – как ранее советское – впоследствии попало в ловушку веры в собственную пропаганду. Как только идея того, что главную роль в «оранжевой революции» сыграл Запад, была запущена Путиным и его идеологами в российский политический дискурс, она начала существовать сама по себе. Путинская теория заговора была мгновенно подхвачена, широко распространена и «доработана» многочисленными российскими конспирологами-псевдоучёными, политическими сенсационщиками и националистическими публицистами.

В результате, российский журналистский и академический анализ социальных корней и политических предпосылок постсоветских электоральных восстаний был изначально отравлен, а выводы политической верхушки неверны. Вместо того чтобы открыть российскую политическую систему, расширить общественную базу режима и смягчить авторитарное правление, Путин «модернизировал» свою автократию в противоположном направлении. В 2005 году, непосредственно по-

сле «оранжевой революции», в России был введен целый ряд новых институтов, организаций и лозунгов, частично напоминающих пропагандистский арсенал тоталитарных режимов. Эти инновации включали различные молодежные организации, такие, как «Наши», «Молодая гвардия Единой России», Евразийский союз молодежи, «Молодая Россия», «Местные», а также новые кабельные телеканалы как, например, англоязычный *Russia Today*, православный *Спас* или военный *Звезда*. Сюда же можно отнести так называемую Общественную Палату, как трансмиссионный ремень, связывающий российское авторитарное государство и полуавтономную интеллектуальную элиту, или День народного единства 4 ноября, который русские националисты быстро нивелировали со своим «Русским маршем».

Примечательно, что эти и некоторые другие инициативы были все осуществлены в 2005 году, т.е. в следующем году после «оранжевой революции» ноября-декабря 2004 года. Самым заметным событием стало введенное весной 2005 года главным закулисным идеологом Путина Владиславом Сурковым понятие «суверенной демократии», которое стало идеологическим ядром путинского мировоззрения и подразумевало, что российская политическая стабильность находится, в первую очередь, под внешнеполитическими, а не внутривнутриполитическими угрозами. Большая часть посторанжевой риторики Путина и его единомышленников продолжала состоять из антизападной истерии, имперской мегаломании, неосоветского консерватизма и националистического шовинизма.

Российские корни «белой революции»

Путин и Ко. не только позволили своей собственной пропаганде ввести себя в заблуждение. Они также упустили из виду, что, хотя демократическая идея слаба, тем не менее, она имеет свои корни и в России. Русская демократическая традиция восходит, по меньшей мере, к декабрю 1825, когда группа российских аристократов, ставших впоследствии известными под именем «декабристы», совершила неудачную попытку положить конец русскому самодержавию. Эта политическая тенденция была продолжена в 19-м – начале 20-го веках западниками, эсерами, «меньшевиками», а также конституционными демократами в период заката царского режима.

Во время советского правления, «шестидесятники», правозащитники 1960–1970-х, а также т.н. «неформалы» поздних 1980-х, помогли подготовить почву для демократизации России, которая стала возможной в начале 1990-х в результате Перестройки Горбачева. Ряд активистов сегодняшнего протестного движения либо сами участвовали, либо были инспирированы идеями, духом и деятельностью этого предыдущего поколения демократов позднего советского и раннего постсоветского периодов. Символично также, что демонстрация 24 декабря 2011 года состоялась на проспекте имени Андрея Сахарова, который в последние

месяцы своей жизни сыграл немалую роль в разложении советской системы в 1989 г.

Хотя историческая традиция сегодняшних протестов выглядит обнадеживающе, конечные политические успехи российского демократического движения были, пока что, весьма скромные. Все предыдущие попытки демократизации России, будь то в 1825, 1905-1917 или 1991-1999 гг. – заканчивались плачевно. Сегодняшний демократический импульс может стать жертвой факторов, подобных тем, что положили конец, например, введению Горбачевым и Ельциным политического плюрализма: разобщенность среди либералов, антизападная паранойя и имперский национализм.

Вызовы «белой революции»

Во-первых, сегодня, как и в начале 1990-х, представляется, что российское демократическое движение имеет скорее слишком много, чем недостаточно харизматичных лидеров. Возможной стратегией нынешнего режима на предстоящих выборах может стать регистрация нескольких пролиберальных кандидатов или партий с тем, чтобы они раздробили между собой голоса либеральных избирателей. Это гарантирует то, что, как и на многих предыдущих российских выборах, единственной альтернативой Путину и его «Единой России» опять станут коммунисты. Например, на следующих президентских выборах Геннадий Зюганов, как и на минувших, займёт второе место после Путина. Можно даже представить себе ситуацию, при которой соперником Путина во втором раунде станет антилиберальный кандидат, набравший меньше голосов в первом раунде, чем сумма голосов, отданных за либеральных или полулиберальных кандидатов вместе взятых. Произойдет это или нет, но существуют опасения, что – как это уже было в начале и конце двадцатого века – российское демократическое движение станет жертвой своей собственной разобщенности и личных амбиций своих лидеров.

Во-вторых, антизападная паранойя может снова подорвать демократизацию России. Расширение НАТО на Восток и бомбардировка Сербии стали факторами, значительно ослабившими позиции прозападных российских либералов, которые в большом количестве сами отвернулись от Запада с конца 1990-х. В российских анализах того времени был упущен тот факт, что движущей силой расширения НАТО стало не столько рвение Америки включить в состав НАТО, например, прибалтийские государства, сколько давление этих стран на Запад впустить их в атлантический альянс. В августе 2008-го Россия наглядно продемонстрировала, чего именно опасались прибалтийские государства, и почему они настаивали на присоединении к западному оборонному содружеству в 2004 г. Без расширения НАТО мы могли бы сегодня иметь не только псевдо-государство под названием Республика Южная Осетия, но и, возможно, «Свободный город Нарва».

Российская истерия по отношению к натовской бомбардировке Сербии уже в 1999 году выглядела странной, поскольку воздушные рейды в значительном количестве осуществлялись немецкими, французскими и итальянскими самолётами, т.е. теми странами, с которыми Россия в то самое время пыталась построить особые отношения. А сегодня балканская ситуация выглядит совсем абсурдной: Сербия на протяжении уже нескольких месяцев громко стучит в двери Европейского Союза, требуя пропуска, хотя несколько стран-членов этого Союза бомбардировали сербские военные цели не далее как двенадцать лет назад.

Антизападничество – все ещё глубоко укоренено в российском коллективном сознании, в частности, в интеллектуальном дискурсе. Это мировоззрение было основным источником легитимности как дореволюционного царизма (несмотря на то, что Россия была союзником Франции и Великобритании), так и советского коммунизма и несоветского путинизма. Постсоветский страх перед предполагаемым западным подрывом русской идентичности и российского суверенитета с большой вероятностью будет использоваться как официальными националистами существующего режима, так и внепарламентскими ультранационалистскими группировками с целью дискредитировать демократическое движение и поставить под сомнение патриотизм либералов. Не исключено, что мы будем наблюдать, как антизападничество станет основой для сближения российского авторитарного государства с «негражданским обществом», под которым подразумевается множество полуполитических российских групп и группировок, пропаганди-

рующих расистские, ксенофобские, фундаменталистские, оккультистские, этноцентристские, изоляционистские и/или подобные идеи.

Третьим и, возможно, наиболее важным вызовом для российской демократизации является идея империи. Смогут ли «белые революционеры» декабря 2011 г. безоговорочно признать независимость и суверенность бывших советских республик, в первую очередь, Украины и Беларуси? Исторические однофамильцы сегодняшних потенциальных революционеров – «декабристы» 1825 г., а также Белые в 1918-1920 гг. не смогли отойти от имперской парадигмы.

Станет ли Россия демократией?

Исторические Белые, например, были непреклонными имперскими националистами. Они настаивали во время Гражданской войны с большевиками на том, что Россия должна быть «единой и неделимой». Под этим лозунгом подразумевалось, что национальные меньшинства Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии не получают независимость, а будут по-прежнему «принадлежать» Российской империи. С тех пор популярной поговоркой в Украине стало высказывание: «Российская демократия заканчивается там, где начинается украинская независимость». Смогут ли новые российские революционеры противостоять имперскому искушению, сфокусироваться на своей собственной стране и отпустить другие постсоветские нации? Сумеет ли демократическое движение оградиться от националистов и предотвратить превращение протеста в абсурд?

Старая российская элита, до и после Октябрьской революции, аппаратчики КПСС периода советского застоя с 1970-1980 гг., как и путинская команда в предыдущие годы, потерпели каждый свою уникальную неудачу. Но причины упадков российских авторитаризмов и в чем-то похожи: все эти закаты произошли на фоне гипертрофированного внимания власти к внешнему миру, а не к внутренним проблемам. Российским «белым революционерам» начала 21 века можно только посоветовать не попадаться в тот же капкан, что и Белые начала 20 века. Новые «белые» должны объединиться и сфокусировать внимание страны на её внутренних проблемах. Россия только тогда сможет стать демократическим правовым государством, когда она прекратит видеть себя осажденной крепостью и цивилизационным центром, вовлечённым в геополитическую борьбу за пределы своих границ. Когда россияне окончательно расстанутся с миражами Третьего Рима и великой империи, они станут, наконец, свободными.